

Ильмир Амиров

Виртуоз

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
А62

Амиров, Ильмир

А62 Виртуоз / Ильмир Амиров. — М. : Bookstart, 2026. — 186 с.

ISBN 978-5-0061-0447-1

В тоталитарной Новотерре, где каждый день — борьба за выживание, а война с фанатичной Алгонией пожирает всё, 15-летний Арви Подольски теряет последнее. Спасаясь от расстрела по ложному обвинению, он оказывается в аду детского распределителя, где его единственным оружием становится гениальный талант к обману и перевоплощению. Этот дар, едва не стоивший ему жизни, замечает загадочный режиссёр из секретной школы разведки «Театр Теней».

**УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)**

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-0061-0447-1

© Ильмир Амиров, текст, 2026
© Bookstart (ООО «БУКАБУМ»), оформление, 2026

Глава 1

Арви Подольски проснулся от того, что его тело свела судорога — голодная, злая, знакомая. Он лежал, не открывая глаз, пытаясь обмануть желудок, втягивая его под ребра. Бесполезно. Спазм повторился, острый и пустой.

Барак «Промзонного Поселка» Новотерры дышал сквозняками. Сквозь щели в кровле из волнистой пластмассы пробивался тусклый свет солнца. Арви услышал, как зашевелилась на соседней койке мать. Её дыхание было хриплым, отрывистым — болезнь шахтёра, который заработала на сортировочной фабрике, где пыль от руды ела лёгкие год за годом.

— Арви, — голос её был плоским, без интонации. — Сегодня выдача по талонам.

Арви открыл глаза. Потолок, испещрённый потёками ржавчины и плесенью. Мир, сжавшийся до размеров этой комнаты в три на четыре метра. Они делили её с ещё двумя семьями, отгораживаясь драными простынями. Шум, запахи, чужие ссоры — все было общим. Как и голод.

Он встал, костяшками позвоночника ощущая каждый прут раскладушки. Надел всё, что у него было: грубые штаны из брезента, штопанный свитер, ватную фуфайку, потерявшую всякую форму. Мать, уже стояла у примуса, пытаясь высечь искру из древней кремневой зажигалки. Её руки дрожали. Щелчок. Щелчок. Вспыхнул синий огонёк. Она поставила на него жестяную кружку с водой — завтрак.

На улице, в узком переулке между бараками, воздух был густым от дыма печей-буржук. Люди, серые и сторбленные, вываливались из своих клетушек, словно мусор, выметаемый утренним холодом. Они молча строились в очередь у раздачи. Не нужно было договариваться — процесс был отработан годами.

Арви стоял за матерью, чувствуя, как лёд асфальта впиивается в тонкие подошвы ботинок. Впереди, у кирпичного здания с вывеской «Продовольственный распределитель № 3», уже клубилась толпа. Над дверью висел репродуктор — чёрная, потрескавшаяся тарелка. Из неё лилась речь.

Голос был металлическим, велеречивым, лишённым всякой теплоты. Он резал утро, как ножовка дерево.

«...сила Новотерры — в единстве! Алгонские варвары жаждут отобрать у нас плоды наших трудов, нашу землю, наше будущее! Но каждый гражданин на своём посту — это крепость! Рабочий у станка, крестьянин за плугом, мать у семейного очага...»

Мать не шевельнулась, её взгляд был устремлён куда-то внутрь, в то место, где, возможно, ещё жили воспоминания о другой жизни. О жизни с отцом, когда пайка хватало на три дня, а не на один. Отец ушёл в «геологическую партию» на разведку рудных жил в приграничье. Оттуда не возвращаются. Официально — «пропал без вести при исполнении». Неофициально — либо забрала Алгония, либо съели свои же, либо просто сгинул в серой пустоши, где нет ни Новотерры, ни Алгонии, только смерть.

«...предатели и паникёры будут выкорчеваны! Доверие — оружие! Бдительность — щит! Сообщайте о любом подозрительном...»

Очередь сдвинулась. Арви видел, как в окошко выдачи протягивали талоны и получали в ответ серые, липкие от влаги брикеты «пищевого концентрата», мёрзлую брюкву, иногда — жёсткую, как подошва, колбасу из сои и отходов мясного цеха. Запах — кислый, затхлый — витал в воздухе.

Вдруг по переулку, разбрызгивая грязный снег, проехал автомобиль. Чёрный, с округлыми крыльями, на бензиновом двигателе. За стеклом мелькнуло лицо в меховом воротнике. Мир за окном машины и мир очереди существовали в разных реальностях. Они смотрели на машину с тупым, почти животным безразличием. Так смотрят на явление природы: снег, дождь, богача.

Их очередь подошла. Мама молча протянула три талона через желоб. Женщина за стеклом, с бровями, как у запруженной плотины, бросила на весы две брюквы, отрезала кусок концентрата.

— Мясная норма сегодня не выдаётся, — отрезала она, не глядя.

— По талонам положено, — тихо, но чётко сказала Анна. В её голосе пробила жилка того стержня, что ещё не был сломлен окончательно.

— Приказа сверху не было. Следующий!

Анна замерла на секунду. Арви видел, как напряглись сухожилия на её шее. Но она молча взяла свою жалкую пайку и отступила. Борьба была проиграна, не начавшись. Её плечи снова ссутулились.

На обратном пути, прижимая к груди тряпичную сумку с едой, она заговорила, не глядя на сына:

— Так больше нельзя, Арви.

Он молчал.

— Я договорилась. У донны Амалии. На её ферме, за городом. Там кормят. Работа погонщиком.

В словах «донна», «ферма», «кормят» звучала отчаянная надежда и тяжесть стыда. Отдать сына в батраки.

— Отец... — начал Арви.

— Отец не вернётся! — её голос сорвался на шёпот, резкий и болезненный. — Ты должен выжить. Я не могу... я не могу смотреть, как ты умираешь здесь.

Репродуктор над очередью к следующему распределителю вывешивал в воздух новые лозунги: «Терпение — добродетель гражданина! Твой труд — вклад в Победу!»

Арви посмотрел на свою мать. На раннюю седину в ее грязных волосах. На руки, исчерченные цыпками и трещинами. Он кивнул. Выбора не было. Это была капитуляция перед логикой этого мира, где единственным товаром, который у него оставался, были его молодые силы и способность терпеть.

Они шли обратно молча. Пак в сумке матери казался ничтожно лёгким, несоразмерным той тяжести, что давила на плечи. Переулок был рекой из грязи и обледенелых колдобин. Под ногами хрустел снег, нечто серое и спрессованное. Бараки стояли неровными рядами, будто их в спешке выплеснули на окраину города и они застыли, покосившись, в вечном ожидании сноса, который никогда не наступит.

Возле их секции, у облупленной водозаборной колонки, уже толпились женщины с вёдрами. Вода шла ржавая. Арви видел, как соседка с силой трясла замёрзший кран. Её лицо было усталым и отчаявшимся.

Войдя в свою «комнату», отгороженную простыней с выцветшими розами, мама приступила к ритуалу. Он был священнодействием нищеты, где каждая крошка имела значение. Она разрезала брикет концентрата пополам. Одну половину — на сейчас, вторую — на вечер. Брюкву очистила ножом с обломанным

кончиком, срезая кожуру тонко-тонко, будто это была драгоценная кора. Очистки не выбросила, а сложила в жестяную банку — позже можно будет сварить бульон.

Примус шипел, наполняя пространство едким запахом горючей жидкости. В жестяной кастрюле закипала вода с крошками концентрата и кусочками брюквы. Запах был бедный, унылый, но для пустого желудка — как фанфары.

Арви сел на свою койку, слушая, как за занавеской ссорятся соседи из-за того, чей ребёнок громче плачет. Сквозь щели в стене доносилось радио из соседней секции. Там играла бодрая, маршевая музыка, прерываемая голосами дикторов, вещавших о новых трудовых победах на фронте.

— Они там, на ферме, — вдруг тихо сказала мама, помешивая варево, — говорят, своя коровница есть. Молоко иногда для работников. И хлеб пекут из своей муки, не из концентрата.

Она говорила не столько ему, сколько убеждая себя. Рисуя в воображении картинку из довоенной детской книжки: ухоженные животные, душистый хлеб, сытость. Это была её молитва.

— Донна Амалия... — она запнулась, подбирая слова. — Она строгая. Но справедливая, говорят. У нее порядок. Ты будешь при деле. На свежем воздухе.

«Свежий воздух» фермы против чадного воздуха фабрики, где она работала. Это был единственный товар, которым она могла его прельстить. Арви кивнул, глядя на пар, поднимающийся над кастрюлей. Он не верил в справедливость донн. Он видел, как по городу иногда проезжали их сынки на личных мотоциклах с колясками, в кожаных куртках. Они смотрели на обитателей Промзонного посёлка как на пейзаж, на нечто неодушевлённое.

Суп был горячим и солёным. Он обжигал губы и на секунду заглушал внутренний холод. Они ели молча, тщательно выскребая ложками потёртую жёсть. Каждый глоток был актом сопротивления распаду.

Потом Анна достала из-под койки старую фотографию в пластиковой рамке — ещё один осколок прошлого. На ней — она, молодая, улыбающаяся, рядом высокий мужчина в простой рабочей робе, но с прямой спиной — отец. Они стояли на фоне чего-то зелёного, может быть, настоящего дерева, которого Арви почти не видел в своей жизни. Она провела пальцем по гладкой поверхности, стирая невидимую пыль. Это был её храм. Её надежда.

— Он бы одобрил, — прошептала она. — Он всегда говорил: «Главное — чтобы ты жил, сынок. Все остальное приложится».

Арви смотрел на фотографию, на этого незнакомца с ясным взглядом. Мир того человека казался такой же далёкой сказкой, как и корабль предков, прилетевший с далёкой Земли. От того мира остались только призраки в виде виброхлыстов у избранных да несгораемого пластика в бараках.

На улице, поверх маршей по радио, внезапно пронёсся гул низко летящего самолёта — это был истребитель, нёсшийся в сторону границы. Все в бараке на мгновение замерли, прислушиваясь — не начнётся ли бомбёжка. Звук растаял вдаль. День продолжился: кто-то кашлял, ребёнок заплакал, вода капала с потолка в поставленную тарелку.

Арви допил свою порцию до дна. Надежда была горькой, как этот суп, и такой же скудной. Но она была. Она звала не к надежде на лучшее, как у первых колонистов поселившихся здесь, а всего лишь к сытому желудку и крыше над головой, которая не протекает. Это был его рубеж. Его граница, которую предстояло пересечь. Он посмотрел на мать, согнувшуюся над пустой кастрюлей, и впервые за долгое время почувствовал не просто голод или усталость, а тяжёлую, взрослую решимость. Что бы ни ждало его на ферме донны Амалии, это будет его война. Первая и самая простая: война за существование.

Мама собрала миски, вытерла их тряпицей до скрипа, хотя они и так были чистыми — голод оставляет после себя безупречную, выжженную чистоту. Потом она подошла к своему сундучку — единственной настоящей вещи в их углу, доставшейся от бабушки. Он был из древесины кебрачо, невероятно тяжёлый и тёмный. Открыла его. Запах нафталина и старой шерсти на мгновение перебил запах тоски.

Достала свёрток. Внутри была рубаха. Простая, домотканая, но целая. Без заплат. Она долго копила на нее. И штаны, перешитые из старых отцовских, но так искусно, что швы почти не видны.

— Надень, — сказала она, не глядя на него. — Чтобы... чтобы не подумали, будто мы совсем уж нищие.

Её голос дрогнул на последнем слове. Арви понял: этот свёрток — её последний дар, последняя линия обороны её материнской гордости перед чужими, жестокими глазами.

Он молча сменил одежду. Ткань грубая, но чистая. Она пахла мылом — запахом чего-то защищённого, сохранённого с огромным трудом. Мать подошла, стала поправлять воротник, заправлять рубаху. Её пальцы, шершавые и холодные,

на мгновение коснулись его шеи. Он замер. Это прикосновение было древнее голода, древнее войны. Оно было из того времени, когда он болел, а она прикладывала ко лбу прохладную ладонь. Чистая, животная, слепая любовь, против которой бессильны все донны мира, поднялась в нем комом к горлу. Он резко глотнул, чтобы не расплакаться, как маленький. Ему было пятнадцать. Он почти мужчина. Почти.

На улице раздался звук, несвойственный переулку — чёткий, drobный стук копыт по мёрзлой земле. Стук — размеренный, уверенный. Все в бараке затихли, прильнули к заиндеветшим стёклам.

Арви выглянул. Во двор въехали двое. Первый — бородатый мужчина в потрепанной, но крепкой кожанке, с кобурой на поясе. Второй — молодой парень, лицо равнодушное, как камень. Они сидели верхом на конях.

Животные были похожи на земных с картинок старых книг, но несли в себе отпечаток иного мира. Чуть выше в холке, суше сложены. Гривы и хвосты не струились, а были более жёсткими, волнообразными, будто из чёрного или бурого металла. Глаза большие, тёмные, с вертикальным зрачком, как у глубоководной рыбы, отражали тусклый свет без тепла. Их ноги заканчивались чем-то вроде раздвоенного рогового нароста, идеально приспособленного для каменистой почвы этой планеты. Именно он выстукивал эту леденящую душу дробь. Они фыркали, и из ноздрей вырывалась сизая дымка — их дыхательный аппарат справлялся с местной атмосферой иначе. Это были лошади — ценное имущество, признак статуса, оружие и транспорт. Живой аргумент власти донны Амалии.

Бородач спешил, не привязывая животное — оно стояло неподвижно, как изваяние.

— Подольски здесь? — его голос пробил дверь, как таран.

Анна вздрогнула. Её лицо побелело. Она схватила приготовленный узелок с жалкими пожитками Арви и сунула ему в руки. Движения стали резкими, лихорадочными.

— Вот. Там... там смена носков. И кусок мыла. Береги себя. Слушайся. Работай хорошо.

Она говорила скороговоркой, не глядя ему в глаза, поправляя уже идеально запроленную рубашу. Её пальцы снова дрожали.

Бородач вошёл в барак, не постучав. Его взгляд, тяжёлый и оценивающий, скользнул по убогой обстановке, по бледному лицу Анны, остановился на Арви.

— Готов пацан? Собирайся. Лошадь ждать не будет.

— Он... он готов, — выдохнула Анна, заслонив сына собой, будто от невидимой угрозы. — Он хороший мальчик. Сильный.

— Это донна уже знает, — отрезал мужчина. — Пошли.

Арви сделал шаг вперед. Ноги были ватными. Он обернулся. Мать стояла, вцепившись в край стола, её костяшки побелели. В глазах стояла мука, которую он видел, когда она получала известие об отце. Точно такая же. Беспомощность перед чужой волей, которая ломает твою жизнь пополам.

— Мам... — вырвалось у него, сдавленный, детский звук.

Она вдруг сорвалась с места, стремительно подошла, обхватила его голову руками и прижала к себе. К груди, которая давно уже не была мягкой и уютной, а была костистой и пахла дешёвым мылом и усталостью. Она заплакала. Сжала его так сильно, будто хотела вдавить обратно, в своё чрево, спрятать от всего мира.

— Живи, сынок, — прошептала она ему в волосы, голос — надтреснутый шёпот, который слышал только он. — Просто живи.

Потом она резко отпустила его, отступила на шаг, подняла подбородок с тем самым остатком гордости, что видела Арви у фотографии отца.

— Иди. Не заставляй людей ждать.

Бородач уже ждал у двери, выразительно похлопывая ладонью по голенищу сапога. Арви послушно пошёл за ним, неся свой узелок. На пороге он обернулся в последний раз. Мать стояла посреди их нищей клетушки, прямая и одинокая, как дерево на выжженной равнине. Она смотрела на него, и в её взгляде не было больше ни надежды, ни отчаяния. Было прощание.

Молодой парень на коне что-то сказал бородачу, тот кивнул и легко вскочил в седло. Арви указали на круп второго коня.

— Садись сзади. Держись крепче.

Арви коснулся бока животного. Кожа была прохладной и упругой, как плотная резина. Он изо всех сил втянулся наверх, ухватившись за пояс напарника. Тот даже не оглянулся.

Конь тронулся с места резво, без видимого усилия. Дробный стук копыт застучал по камню, ускоряясь. Арви в последний раз увидел родной барак, заиндевшее окошко их секции, и крошечную фигурку в дверном проёме. Мама стояла и смотрела, пока её не скрыло углом следующего здания.

Ветер бил в лицо ледяными иглами. Переулки, лужи, серые лица промзонного посёлка поплыли мимо, как в дурном сне. Арви сидел, сжав зубы, чтобы они не стучали, вцепившись в чужую спину. Комок у горла был таким твёрдым, что больно было дышать. Он смотрел перед собой в спину незнакомца, на холку странного коня, на удаляющийся дым над трущобами. Он увозил с собой запах материнской рубахи, вкус утреннего пустого супа и огненную, режущую боль разлуки. Это было его первое, настоящее взрослое горе. Оно прожигало душу насквозь, оставляя шрам, который уже никогда не затянется.

Конь вынес их на грунтовую дорогу, ведущую прочь от города, к угольям донны Амалии. Впереди лежала чужая жизнь. Позади, в промозглом бараке, осталось все, что он любил.

Дорога петляла, уходя от чадающих труб и запаха промзоны. Сперва тянулись пустыри, заваленные ржавым хламом, остовами каких-то механизмов, которые уже никто не мог починить. Потом пошли поля. Серо-коричневые, зимние делянки, окаймлённые жидкими щётками окаменевших кустарников. Небо здесь казалось шире, а холод — чище и острее. Арви, цепляясь за спину напарника, смотрел, как мимо проплывают редкие хутора — срубы или саманные домишки с трубами, из которых валил дым покрепче, чем в посёлке.

Спутники его, казалось, давно забыли о его существовании. Бородач — его звали Геннадий — ехал впереди, молодой парень, Василий, правил конем, на котором сидел Арви. После долгого молчания Геннадий хмуро спросил, не оборачиваясь:

— Табак есть?

— Алгонский только, — отозвался Василий, доставая из-за пазухи самокрутку.

— Дрянь, но лучше, чем ничего.

Раздался звук чирканья кремня о кресало, запахло горьковатым, чуть сладковатым дымом, непохожим на местную, грубую махорку.

— Слухи правду говорят? — спросил Василий, затягиваясь. — Что на восточном рубеже опять стычка была?

— Правду. Неделью назад. Наши два патруля сгинули. Алгонцы даже тел не отдали. Собакам на растерзание бросили, говорят.

Арви почувствовал, как напряглась спина Василия.

— Скоро, значит, по-крупному пойдёт.